

Николай Цуканов

Возвращение художника

*Кировоград
2013*

*Автором при написании
использованы факты биографии художника
Александра Ивановича Быстрякова
(1907-1966).*

*При создании обложки использованы
живописные работы
художника Александра Быстрякова.*

Она медленно спустилась по трапу корабля, несколько минут назад пришвартовавшегося в порту небольшого городка. Не надеясь, что ее кто-то встретит, женщина все же оглянулась по сторонам, и сразу же, подхватив небольшой дорожный чемодан, не торопясь, пошла по дороге, ведущей к центру города.

Она никогда не была в этом маленьком провинциальном городке. Но, вместе с тем, многие его виды казались ей знакомыми – в памяти отчетливо всплывали бесчисленные рассказы мужа о городе, из которого он уехал еще юношей. Она мысленно благодарила его за то, что он выучил ее русскому языку – теперь она с интересом читала таблички с названиями улиц, рекламные щиты и вывески магазинов.

Город утопал в зелени, дыша фруктовыми ароматами растущих в изобилии абрикос и вишен.

Устало оглядевшись по сторонам, она перешла дорогу, очутившись в небольшом сквере, разделяющего улицу на две равные части. Женщина поставила чемодан на землю и опустилась на массивную скамейку, спрятавшуюся в тени зеленых деревьев. Она снова и снова мысленно спрашивала себя – правильно ли она сделала, решившись приехать в эту далекую, совершенно незнакомую страну для того, чтобы исполнить последнюю волю мужа? Молча открыв чемодан, женщина достала из него небольшую металлическую коробку, на которой латиницей было написано «Here lie the ashes of Alexander Bystritsky» (Здесь покоится прах Александра Быстрицкого – англ.).

Мысленно обратившись к мужу с тем же вопросом, она на несколько минут замерла, словно дожидаясь ответа. Хотя и так прекрасно знала, каким он должен быть. «Да, я все правильно сделала», – промелькнуло в голове. И, как будто бы соглашаясь с этой мыслью, она утвердительно кивнула – «Я тут, в этом маленьком городке, чтобы выполнить последнюю волю Александра».

Бережно, словно боясь потревожить, женщина снова завернула урну в бархатный лоскут и вернула на прежнее место в чемодан. Устало поднявшись, она не спеша продолжила свой путь. Из надписи на табличке следовало, что женщина шла по улице Александра Суворова.

Вдали, по пути ее следования возвышался храм с блестящими на солнце куполами. «Интересно, – спросила она сама себя, – сохранились ли те знаковые для Александра места и здания, о которых он так увлеченно рассказывал?»

Не спеша, еще несколько раз отдохнув на лавочках, стоящих в сквере, она наконец-то дошла до скульптуры сидящего на коне полководца. Надпись под ней гласила – «А. В. Суворов».

Ее сердце часто забилося, словно она встретила в этой далекой стране близкого человека. Женщина не знала, сколько простояла рядом, не сводя взгляда с величественной скульптуры, пока подошедшая молодая женщина не спросила ее:

– Вам не плохо?

Словно очнувшись, она улыбнулась незнакомке и на ломаном русском языке ответила:

– Нет, деточка, мне очень хорошо... – и тут же добавила, – Вы не смогли бы помочь найти необходимую мне улицу?

Достав исписанный листок бумаги, она протянула его незнакомке.

– Это буквально рядом, идемте, я вас провожу, – с этими словами девушка взяла чемоданчик и неторопливо направилась в нужную сторону, – Меня зовут Надежда, – первой представилась она, – Вы впервые у нас? – и, не дожидаясь ответа, продолжила, – У нас очень хороший город, хоть и крошечный совсем. Но у него давняя история. У нас шутят, что наш город идеален, как для молодежи, так и для пенсионеров. А вы знаете, сколько национальностей тут живет?

Семьдесят пять! Мы этим очень гордимся. Тут с русскими и украинцами мирно уживаются румыны, гагаузы, греки, евреи, цыгане... – и, спохватившись, словно извиняясь, сказала, – Ну что это все я да я говорю? Ведь даже не спросила, как вас зовут...

– Доминика, – ответила старушка, и, увидев удивление в глазах спутницы, добавила, – Я полячка.

– Красивое имя! – восхитилась Надежда.

– Да, его дали мне родители почти восемьдесят лет назад. Оно означает «Принадлежащая Господу». Именно благодаря Всевышнему я тут.

Они неторопливо шли по городу, вдыхая ароматы весны. Хотя Доминика заметно устала, она не переставала любоваться небольшими строениями и узенькими улочками.

– Ну, вот мы и пришли туда, куда вам нужно, – показала рукой Надежда на небольшой домик, буквально утопающий в зелени виноградных листьев.

– Огромное вам спасибо, вы мне очень помогли. У вас в городе живут чудесные люди, – сказала Доминика.

– Если вам вдруг понадобится моя помощь, вот номер моего телефона, – произнесла Надежда, записав его на листочке бумаги.

– Спасибо, огромное вам спасибо, – еще несколько раз повторила Доминика.

Она в нерешительности несколько минут постояла перед калиткой, пытаясь отыскать кнопку звонка, но ничего не найдя, тихонько постучала. Будто бы в ответ во дворе залаяла собака. Доминика заглянула в щелку забора, и увидела небольшую собаку на цепи, которая, захлебываясь лаем, носилась вокруг будки.

Через несколько минут женский голос окликнул:

– Эй! Кто там?

Не дождавшись ответа, во двор, опираясь на палочку, вышла худощавая пожилая женщина с седыми волосами. Открыв калитку, она долго разглядывала незнакомку.

Повисло неловкое молчание. Даже собака затихла, забравшись в будку. Вдруг, словно очнувшись, хозяйка ахнула и запричитала:

– Доми! Это ты? – она сделала шаг в сторону стоящей Доминики. – Я была уверена, что ты решишься! Уверена, что приедешь! – женщина зарыдала и обняла стоящую молча иностранку.

Они знали друг друга только по рассказам Александра, коротким письмам и редким фотографиям.

– Ну что же мы стоим, – засуетилась хозяйка, – Пошли скорее в дом! Я представляю, как ты устала, да и, наверное, проголодалась с дороги.

Словно в ответ на эти слова Доминика оттаяла душой. Она только сейчас почувствовала безмерную усталость. Вместе с тем напряжение, преследующее ее уже несколько дней, а скорее даже месяцев, наконец-то начало спадать. Она не нашла ничего другого в ответ, как только несколько раз произнести короткую фразу:

– Спасибо тебе, Нина, за все!

Они вошли в небольшой светлый дом. Доминика с интересом стала рассматривать его необычный интерьер и многочисленные фотографии, висевшие на стенах. Среди множества незнакомых лиц она увидела несколько, на которых был запечатлен Саша. Вот он, совсем маленький, стоит с какой-то женщиной, по-видимому, мамой. Вот держит в руках кисточку, склонившись над альбомом для рисования. А это они уже вместе на фоне огромного висящего моста «Золотые ворота», проложенного через пролив и соединяющий город Сан-Франциско и округ Марин.

Из размышлений ее вывел голос Нины.

– Ну что ж ты стоишь? Идем, я тебя отведу в ванную, а пока будешь мыться, на стол соберу, – она подала Доминике полотенце и легкий ситцевый халат.

Когда гостья вышла из ванной комнаты, на столе был собран нехитрый обед – варёный картофель, салат из помидоров и огурцов, жареные куриные окорока. Но вся эта немудреная еда и прием, оказанный малознакомой женщиной, были настолько трогательными, что Доминика, все это время держащая себя в руках, вдруг разрыдалась, уткнувшись лицом Нине в плечо.

Держась за руки, женщины опустились на диван, стоявший в углу гостиной. Теперь они плакали обе. Казалось, что эти рыдания продолжаются целую вечность.

Когда они немного успокоились, Нина спохватилась:

– Все ж остыло! Давай, садись скорей за стол, – она достала из стоящего в углу буфета две рюмки и небольшой графин с вином. – Давай выпьем за наше знакомство! – фраза звучала немного странно. Вместе с тем, в этих словах заключалась горькая правда.

– Жаль, Саши нет с нами, – всхлипнула Нина. – Это сколько ж я его не видела? Целую вечность! Я хоть и старшей была, но такой силы, как он, не имела. У него получалось все, за что он брался. И когда мы остались без матери, именно он меня буквально вернул к жизни. Какая несправедливость!

Вдруг спохватившись, Доминика достала из чемодана урну с прахом.

– Что это? – недоуменно спросила у нее Нина.

– Это все, что осталось от Саши.

Нина с удивлением смотрела на маленькую коробку и ничего не могла понять. Боясь, что сейчас ее откровения могут вызвать несколько неоднозначную реакцию, Доминика достала из чемодана несколько бумаг, и, выбрав одну, тихо, но достаточно уверенно начала читать:

– Я, Быстрицкий Александр, находясь в здравом уме и полной памяти, завещаю после смерти кремировать свое тело. Также уполномочиваю свою жену Доминику Быстрицкую решить все юридические проблемы, перевезти урну с моим прахом на родину и захоронить на городском кладбище, где покоятся мои родные...

Только сейчас до Нины начал доходить смысл прочитанных Доминикой слов. Она не знала, как их воспринимать – вначале хотела возмутиться и спросить, как могло произойти такое, что для ее любимого единственного брата был выбран такой нехристианский способ погребения. Но затем, немного успокоившись, женщина поняла, что другого способа возвращения его праха на родину попросту не существовало.

Они снова плакали и пили за упокой души умершего, при этом безуданно говорили, не в силах послушаться друг друга. Так они просидели до самого утра, узнавая неизвестное о брате и муже...

...Александр сидел на берегу реки, и, бросая взгляды на быстро текущую мутную воду, пытался изобразить увиденное на листке бумаги. Изредка проплывавшие мимо пароходы, как будто бы приветствуя его, издавали длинные гудки.

Он с детства любил приходить сюда, чтобы в тишине и одиночестве любоваться красотой природы. Юноша обожал изображать все, что его окружало – простор реки, свисавшие над водой кроны огромных ив, летающих чаек.

Река протекала на расстоянии приблизительно километра от дома, в котором он жил вместе с матерью и старшей сестрой Ниной. Иногда засидевшегося Александра окликал ее знакомый голос:

– Сашенька! Пора домой, ты же целый день голодный, да и мама волнуется.

Александр нехотя собирался и шел навстречу сестре. Он неизменно целовал ее в щеку, брал за руку, и они шли домой, болтая о всякой всячине. Их отношения с сестрой были очень близкими. Наверное, сказывалась небольшая разница в возрасте.

Зайдя в дом, он всегда подходил к висящим в углу иконам и зажигал перед ними лампадку. Хотя в бога не верил. Это был скорее ритуал, чем настоящее поклонение. А образа и лики святых, написанные на иконах, привлекали его в первую очередь как произведения искусства.

В этой комнате у стены стоял большой диван, а посередине – круглый стол, накрытый белоснежной скатертью. На нем находилась гордость семьи – пузатый самовар, освященный семейными традициями. На стене висело несколько фотографий в рамках, а по соседству тикали старые ходики – часы с кукушкой, громко отбивающие каждый час.

В комнату вошла мама.

– Сынок, ты опять целый день голодный? Исхудал же совсем! И когда ты собираешься делать уроки? Ведь темнеет уже за окном...

– Мама, – как будто бы не замечая ее нравоучений, ответил Александр, – Ты посмотри, какая красивая у нас природа! А чайки, чайки-то как парят над водой! – и он показывал ей свои зарисовки. – А хочешь, я вот прямо сейчас нарисую твой портрет? Вот увидишь, получится!

Она улыбнулась и пошла накрывать на стол. А Александр уже азартно раскладывал альбом. Взяв в руки карандаш, он долго всматривался в черты лица матери. Затем, набросав контур, увлеченно принялся за работу.

Нина, помогающая матери, вначале иронизировала по поводу затеи брата, но когда, подойдя поближе, увидела почти законченный карандашный портрет, безмерно удивилась сходству с оригиналом.

– Мама, мама! – воскликнула она, – Посмотри, как здорово Санька твой портрет нарисовал!

Мама наклонилась над рисунком, и, прищурившись, несколько секунд недоверчиво его рассматривала, не отводя глаз. Затем, посмотревшись в зеркало, довольно улыбнулась.

– Художник ты мой! – ласково произнесла она. – Давай, садись за стол, а то от слабости скоро кисточку в руках держать не сможешь.

Александр не особо почитал предметы, преподаваемые в школе. К одним относился безразлично, другие изучал только лишь из уважения к наставникам. Но, вместе с тем, считался далеко не худшим учеником в классе. Зато уроков изобразительного искусства ожидал с нетерпением. На них он забывал обо всем, увлеченно познавая азы и премудрости живописи.

Так или иначе, но вскоре его увлечение даже стало приносить доход в семейный бюджет – всегда находился тот, кто просил его нарисовать в подарок какой-нибудь незатейливый сюжет или натюрморт. Когда такое случалось, и он получал вознаграждение за свой труд, то шел на городской базар, где неторопливо выбирал овощи и фрукты. Летом всего было в изобилии, и он радовался, что таким образом может помочь семье, доставляя удовольствие и маме, и сестре.

Походы на базар были еще одним его увлечением. Когда он попадал в это колоритное место, где жизнь кипела и бурлила, то получал такое же удовольствие, словно находился на берегу любимой реки.

Здесь отовсюду слышалась многонациональная речь. Болгары, молдаване, румыны, гагаузы наперебой предлагали купить выращенные ими овощи и фрукты. Рядом шла бойкая торговля вином из огромной бочки. Тут же,

буквально в двух шагах, кричало, кукарекало и повизгивало животное население рынка, которое предлагалось на продажу. В клетках размещались голуби, кроли, гусята и прочая живность. Бурлящая жизнь рынка была похожа на водоворот, который втягивает в себя все, что в него попадает.

Возле расседланных коней прямо на подводах сидели цыгане и о чем-то громко спорили, осушая стаканы с молодым вином. «Цыгане шумною толпой по Бессарабии кочуют...» – вспомнил Александр строки Пушкина.

Женщины народа-странника, сидя тут же, на брошенной наземь соломе, раскинув веерами огромные цветастые юбки, гадали смельчакам, решившимся узнать о своем будущем. Александр шутки ради, так как не особо верил в пророчества цыганок, тоже захотел узнать о своей судьбе. Одна из них, черноглазая молодая женщина в широкой цветастой юбке, увешанная бусами и браслетами, резво подскочила к нему, поддерживая рукой высоко торчащий живот. Александр смутился, увидев рядом эту беременную красивую цыганку, но, быстро совладав с собой, протянул ей правую руку.

Цыганка загадочно посмотрела в его глаза.

– Давай, дорогой, давай, красивый, погадаю! Всю правду скажу, что было, что будет! – она взяла ладонь юноши, долго ее разглядывала, что-то шепча по-своему, а потом сказала, – Тебя ждет длинная дорога. Уедешь в чужие края, крепко полюбишь женщину, но детей у тебя с ней не будет. И вернешься с ней на родину.

Александр протянул ей деньги, но цыганка резко отвела в сторону его руку и тихо прошептала:

– Потеря будет скоро. Потеряешь близкого человека. Оставь деньги себе, они тебе нужнее будут.

Александр поблагодарил женщину, в душе смеясь над ее, казалось бы, пустыми словами. И только спустя три ме-

сяца, стоя у гроба с телом матери, скоропостижно скончавшейся от воспаления легких, он вспомнил слова цыганки, но так и не мог понять, откуда она могла узнать о том, что произойдет. Ему и в дальнейшем часто приходила на ум эта представительница кочевого народа, во многом предугадавшая его дальнейшую жизнь и судьбу.

Александр окончил художественное училище, и решил полностью посвятить себя живописи. Хотя они продолжали жить с сестрой в одном доме, и он как мог, поддерживал ее после смерти мамы, но все же понимал, что чем скорее он покинет родительский дом, тем быстрее сестра получит возможность устроить свою личную жизнь. Он решил уехать в столицу, где, как ему казалось, он сможет полностью реализовать себя.

Прощание с сестрой на вокзале было тягостным. Нина, как будто бы сердцем чувствуя, что они расстаются на долгие годы, беспрерывно плакала. Александр, хоть и сдерживался вначале, но, в конце концов, не выдержал, и крепко обняв сестру, тоже дал волю своим чувствам.

– Нин, да не реви ты, – глотая слезы, успокаивал он ее. – Поверь, это не надолго. Устроюсь и заберу тебя в столицу. Увидишь, как мы заживем! В столице театры, выставки... Некогда будет скучать! Я скоро стану знаменитым художником, обо мне будут все говорить. Ты будешь мной гордиться. Слышишь, сестренка?

В Москве ему удалось устроиться работать в художественную мастерскую, которая выполняла заказы по написанию плакатов и портретов. В таких условиях о творчестве, о котором он мечтал, не могло быть и речи. Ему, провинциальному пареньку, сложно было привыкнуть к ритму жизни огромного города. Только чтобы добраться на работу, а затем обратно, уходило 3-4 часа драгоценного

времени. Дома же, в захолустной коммуналке с ее вечно ругающимися соседями никогда не хватало времени, чтобы заняться любимым делом. «Это все временно, – убеждал он себя, – Вот-вот все наладится...»

И только часто приходившие письма от сестры грели душу. Он ложился на кровать, распечатывал конверт, пахнувший, как ему казалось, чем-то родным и близким, и принимался неторопливо читать.

«Привет, Сашка! Я безумно соскучилась, и жду того часа, когда мы снова встретимся с тобой. С грустью вспоминаю те минуты, когда мы бродили по берегу реки, крепко взявшись за руки, как дома нас встречала мама, и мы все усаживались у самовара пить чай. А сейчас нет рядом ни тебя, ни ее...»

Я полностью загружена работой. Даже самовар согреть нет времени.

А с семейной жизнью как-то не очень. Во мне словно что-то надломилось. Кроме вас с мамой мне никто пока не нужен. Не знаю, пройдет ли это когда-нибудь.

Как ты? Не забывай меня, пиши. Целую. Любящая тебя Нина».

Он снова и снова перечитывал письмо, и вдруг вспомнил гадавшую ему цыганку. «Вот и дальняя дорога сбывается, – подумал он. – Интересно, кто у нее родился?»

С этими мыслями он уснул. А проснувшись поутру, сел писать ответ сестре.

Так прошло три года.

Однажды утром его разбудил голос диктора, извещавшего о нападении Германии на СССР. Спросонья он никак не мог понять, что же на самом деле случилось.

На кухне кто-то громко заголосил.

– Война! Война! – слышались отовсюду перепуганные голоса. Он выскочил на кухню, как был – в трусах и майке.

– Что, что случилось?

Пожилой сосед подкурил самокрутку, выругался и сказал:

– Чего тут не понять? Немец напал. Теперь – кто кого. Я многое повидал в своей жизни. Что такое война, знаю не по рассказам. Кровь, слезы, разрушения, потери... – и вновь выругался.

В городе, как показалось Александру, царила паника. Все куда-то спешили, громко разговаривая и размахивая руками. Откуда-то неожиданно появилось множество людей в военной форме. То и дело из репродукторов звучали экстренные сообщения.

Добравшись до работы и походив по мастерским, Александр не нашел никого из руководства. Молодой человек понял, что сегодня вразумительного ответа на вопрос «Что делать дальше?» он не получит.

Так продолжалось несколько дней. А однажды всех работников мастерских собрали в актовом зале. Перед ними выступил худощавый седовласый мужчина в штатском.

– Война будет долгая, – сказал он. – Идет всеобщая мобилизация. В ближайшие дни будет принято решение по вашей мастерской.

Но время шло, а о нем, как, впрочем, и обо всех его коллегах, казалось, забыли. Александр не мог понять, что происходит на самом деле. Попытки же прояснить ситуацию у руководства ни к чему не привели. «Сказано ждать, значит ждите!» – неизменно получал он один и тот же ответ. Но в конце сентября началась эвакуация населения. Сотрудникам мастерских было приказано срочно грузиться в грузовики и ехать на железнодорожный вокзал.

Кто-то сказал:

– Ну, вот и дождались, наверное, отправят на фронт...

Началась погрузка. Людей спешно запихивали в теплушки, где они сидели или лежали на наспех сооруженных нарах.

Никто вразумительно не мог ответить, куда их отправляют. Где-то совсем рядом постоянно слышался надрывной гул немецких самолетов, которые сбрасывали зажигательные бомбы, освещающие небо ярким заревом. Через некоторое время после погрузки эшелон отправился со станции.

Несколько дней состав находился в пути. Когда казалось, что все уже находится в безопасности, на поезд налетели немецкие бомбардировщики. В вагонах поднялась паника. Молодой человек видел, как горят передние вагоны, слышал сквозь надсадный рев моторов звуки взрывов и крики раненых. Беспомощность и страх сковали Александра – так нелепо погибнуть, вот тут, посреди поля... Он мысленно стал молиться, забыв обо всем на свете, даже о том, что никогда не верил в Бога.

Вскоре все стихло. Состав был полностью разгромлен. Александр видел вокруг себя развороченные пути, огромные воронки, горящие разбитые паровоз и вагоны. «Господь услышал мои молитвы, – подумал Александр, – потому что остаться целым в этом аду было практически невозможно...»

Вместе с немногими оставшимися в живых Александр по шпалам двинулся в направлении виднеющегося вдали села. И только подойдя ближе, они увидели, что от него практически ничего не осталось, кроме нескольких чудом уцелевших хат. Они были пусты, видимо, жители покинули дома еще до бомбежки. Голодные и промерзшие, люди валились от смертельной усталости на пол, пытаясь хоть как-то забыться.

Рано утром Александр проснулся от лая собак. Еще не понимая, что происходит, он подумал, что возвратились хозяева. Но, посмотрев в окно, увидел солдат с автоматами, бегущих к их дому. Не зная, что делать дальше, молодой человек оцепенел от страха.

– Немцы, немцы! – вдруг пронзительно закричал он. Но было уже поздно что-либо предпринимать.

Их вывели на площадку перед домом, и, угрожая оружием, стали ударами прикладов загонять в стоящие рядом грузовики. Один из офицеров что-то сказал немцу, руководившему погрузкой. Услышав глухие выстрелы, Александр понял, что немцы добились раненых.

В грузовиках их везли несколько часов подряд. И только когда они стали подъезжать к железнодорожной станции, молодой человек понял, что их ждет впереди. Так начиналась дорога в Германию.

Александр прошел через концлагерь, но сумел выжить в этой чудовищной военной мясорубке. В апреле 1945 года он был освобожден американцами. После войны художник жил в нескольких странах. О возвращении на Родину не могло быть и речи – страна под названием «СССР» не жаловала таких, как Быстрицкий, побывавших в немецких лагерях. Как и тысячи других соотечественников, разбросанных по всему миру, вернуться домой Александр не имел никаких шансов. Он все чаще задумывался над тем, что в его годы он лишен практически всего – Родины, дома, семьи.

Война спутала все его карты, разорвала все связи. Даже весточки от единственного близкого человека, его сестры Нины, он не получал уже несколько лет...

Как его занесло в далекую Америку, Александр и сам не мог толком понять. Просто в один из дней он оказался на борту огромного лайнера, который уносил его все дальше и дальше от Родины.

Он поселился в сравнительно небольшом старинном городе Ньюарке, находившемся недалеко от Нью-Йорка. В то время в нем проживало чуть больше двухсот тысяч человек.

Александрю невероятно повезло. Буквально через несколько дней пребывания на новом месте он увидел рекламу – размещенный на плакате портрет. Тихо постучав и войдя внутрь, он оказался в небольшой мастерской. Здесь пахло красками. У стены стояло несколько мольбертов. Александр сразу ощутил себя в своей стихии.

У одного из мольбертов кряхтел пожилой мужчина, даже не удосужившийся обернуться на звук открывшейся двери. Напротив, замерев в неудобной позе, в кресле сидел, словно в кадре фотографии, молодой парень.

– Сорри, – громко произнес Александр. Художник, не выпуская из рук кисти, обернулся и приветливо ответил:

– Сорри.

– Извините, я ищу работу, – произнес Александр, с трудом подбирая английские слова.

– Работу? – переспросил старик. И, сощуриив глаза, уточнил, – А что ты умеешь делать?

Александр, обрадовавшись, что за целый день, проведенный в поиске работы, ему впервые задали вопрос, которого он ожидал, ответил:

– Я художник!

– Художник? – недоверчиво переспросил старик. Он вплотную подошел к Александру, посмотрел в глаза, и с усмешкой произнес:

– Вот, бери, рисуй, – и протянул кисточку.

Мужчина, еще не веря в то, что у него появилась возможность вот так просто проявить себя, поспешно схватил ее и принялся за работу. Юноша, все это время сидящий без движения, вдруг привстал и недоверчиво посмотрел на Александра. Так смотрят на парикмахера, которому достался первый в его практике клиент. Но Александра уже было не остановить. Кисть играла в его руке, как смычек виртуозного скрипача.

Старик с любопытством наблюдал за его работой, изредка наклоняя голову то в одну, то в другую сторону, пытаясь отыскать неточности в портретном сходстве. Постепенно выражение его лица менялось. Когда работа была окончена, Александр положил кисть, вытер руки, и еще не успев повернуться, услышал, как старик хлопает в ладоши.

– О'кей! – произнес он.

Услышав эти слова, юноша-натурщик недоверчиво посмотрел на оконченную работу. Он был поражен, увидев на холсте свое зеркальное отражение.

Так началась новая страница в биографии Александра. Страница художника портретной фирмы...

...В мастерской Александр дневал и ночевал. Он находился в работе отдушину, рисуя портреты неизвестных людей, а также выполняя мелкие заказы по написанию натюрмортов и пейзажей. Мужчина практически замкнулся в самом себе, даже не пытаясь завести знакомства с заказчиками. Единственным его собеседником был владелец мастерской, тот самый старик Эдриан, или, как его называл Александр, Адриан. Нельзя сказать, что они сдружились. Но частенько случалось, что подолгу засиживались в мастерской после работы, налив по бокалу виски, который был любимым напитком хозяина и беседуя о жизни.

Александр долго не мог привыкнуть к этому странному напитку из кукурузы, столь любимого в США. Работая в московской мастерской, он, как и многие его товарищи, предпочитал русскую водку в чистом виде. Но время меняет людей, так что о ее вкусе он стал постепенно забывать.

Зачастую, когда в мастерской не было клиентов, Александр брал маленькие холсты или куски художественного картона и по памяти писал места, где он вырос или просто сюжеты из той, казалось бы, уже несуществующей жизни.

Эндриан с интересом рассматривая эти рисунки, расспрашивал о далекой незнакомой стране.

Где-то примерно раз в месяц Александр посещал советское посольство в надежде получить разрешение на въезд в СССР. Однако ему постоянно отказывали – в хрущевские времена советско-американские отношения обострились до предела. Его радовало только то, что опять возобновилась переписка с сестрой – пусть редко, но он все же получал от нее письма и имел возможность отвечать на них.

Как ни странно, работы в мастерской хватало – сюда приходили люди разных возрастов, национальностей и цвета кожи. Как-то Александр спросил у Эндриана, почему они проявляют такой интерес к портретам, ведь проще сделать фото, поместив его в рамку.

– Все очень просто, – ответил старик, – В наше время иметь портрет, написанный настоящим художником, в Америке очень престижно. Это отдельный вид искусства, который в нашей стране занял свое почетное место среди других направлений. Не слышал о таком американском портретисте Ирвинге Рамзи? –увидев растерянные глаза Александра, хозяин мастерской продолжил, – Он достиг большой известности как портретист, создав огромную галерею американских знаменитостей. Тебе есть чему поучиться у такого мастера. Я принесу альбом с его работами.

Действительно, Александр с большим интересом начал изучать творчество знаменитого портретиста.

...Он навсегда запомнил этот тусклый дождливый осенний день. Как и обычно, он сидел в мастерской один, изредка поглядывая в окно, потеряв всякую надежду на то, что кто-либо придет в такую погоду заказывать портрет или другую работу. Под монотонный стук дождя в оконное стекло он задремал. Ему приснился маленький, пушистый котенок, который терся об его ноги и жалобным человеческим голосом говорил:

– Возьми меня, я тебе пригожусь, возьми меня... – голос звучал все сильнее. Александр вздрогнул и проснулся.

В дверях стояла женщина. Она спросила:

– Простите, мастерская работает?

Александр вскочил, подошел поближе и начал извиняться. Ему действительно было стыдно за то, что его застали спящим в рабочее время.

«Вот чертов котенок, – подумал он, – и где ты взялся на мою голову?» А вслух произнес:

– Я к вашим услугам. Чего желает мадам... – он замешкался, не зная, как правильно обратиться к незнакомке.

– Мадам Доминика, – пришла она ему на помощь. – Я шла к вам в мастерскую, чтобы заказать свой портрет, но дождь безнадежно испортил прическу. Поэтому я хочу уточнить, когда мне лучше всего прийти к вам еще, и сколько времени займет написание такого портрета

Александр, оправившись от неловкости, внимательно посмотрел на женщину. Его профессиональный взгляд сразу отметил особенности необычайно красивой улыбки и нежного, чуть с грустинкой взгляда. Его сердце учащенно забилось. Он еще не понимал, чем вызваны такая реакция, но видел, что эта женщина совсем не похожа на десятки тех, которые побывали здесь раньше, и чьи портреты были написаны его рукой. Он посмотрел в ее широко открытые глаза и спросил:

– Завтра в десять утра вас устроит?

Доминика кивнула в ответ и направилась к выходу. Александр стоял, не двигаясь с места, провожая ее взглядом. У самой двери она обернулась, и, посмотрев на художника, сказала, как будто размышляя вслух:

– Интересно, а завтра дождь будет? – и с этими словами покинула мастерскую.

После ее ухода Александр долго не мог успокоиться. Он уже понимал, что котенок десять минут назад ему при-

снился совсем не случайно. Сейчас бы мама сказала – «Вот видишь, сон в руку. Это к знакомству».

В эту ночь он так и не смог уснуть, в предвкушении встречи ожидая наступления утра. В темноте он смотрел в невидимый потолок широко открытыми глазами и рисовал воображаемой кистью картину завтрашнего randevu.

Утром в мастерской он не мог найти себе места, волнуясь и суетясь. Художник то прикреплял новый холст на мольберт, то выбегал на улицу, всматриваясь в лица прохожих. Часы на стене пробили десять. «Неужели она не придет? – мысленно спрашивал у себя Александр, – Или решит воспользоваться услугами другой мастерской? Их только на нашей улице три... Хотя, что, собственно, произошло? Ну, пришла незнакомая женщина, а я уже черт знает о чем мечтаю. Она может быть замужем, да и я, в конце концов, с заспанным лицом мог ей попросту не понравиться... – но тут же успокаивал сам себя, – А ведь дождя сегодня нет, это плюс. И котенок приснился, это еще один...».

Через несколько минут в мастерскую степенно вошла она. Художник выскочил ей на встречу, воскликнув:

– Доминика, как же хорошо, что вы все-таки пришли!

Женщина удивленно посмотрела на Александра и сказала:

– Так ведь дождя же нет. И прическу я соорудила новую. Говорите, что нужно делать дальше?

Александр усадил ее в кресло напротив мольберта и сделал первые наброски карандашом. Воцарилось молчание.

Он давно уже не писал так увлечено. Художник всматривался в ее черты лица, стараясь максимально точно передать самое главное, самые характерные его особенности. Он восхищался красотой ее полных губ и огромных глаз с невообразимо длинными ресницами. Искусная прическа

делала ее лицо еще более женственным.

Александр никогда не мечтал о женщинах. Так вышло, что жизнь пронеслась мимо без их участия. Конечно, в школе, да и потом в училище он увлекался девчонками. Но война убила все мысли и желания. И вот только сейчас они возродились в глубине сердца. Теперь он смотрел на свою случайную натурщицу глазами мужчины, страстно желающего, чтобы рядом с ним всегда была она – единственная, любящая его женщина.

Наблюдая за его работой, Доминика чувствовала, что нравиться этому уже не молодому мужчине, который не сводил с нее взгляда, несущего в себе нечто большее, чем любознательность и профессионализм художника.

Работа подходила к концу. Настроение Александра портилось с каждым взмахом кисти. Он предвидел, как она примет работу, заберёт портрет и уйдет, может быть, навсегда. «Ну что же ты молчишь, Саша? – спрашивал он у себя самого, – Это твой последний, и, может, единственный в жизни шанс!»

– Доминика, – обратился он к ней, – Уже темнеет. Можно я вас провожу? – и, посмотрев в ее удивленные глаза, добавил, – Совсем недалеко!

Не дожидаясь ее согласия, он набросил на плечи куртку и вышел вслед за ней, опустив жалюзи и заперев дверь мастерской.

В этот вечер они долго гуляли по городу, словно две маленькие песчинки, затерявшись среди огромных небоскребов, построенных еще в 20-х годах. Они шли по парку, и деревья одобрительно глядели на них, словно боясь нарушить тишину, при помощи которой он разговаривал с ней... Иногда они касались друг друга руками, и от этого как-то по-особенному теплело в сердцах.

Они шли, не замечая ничего вокруг – просто были счастливы, дыша этим чувством. Случайные прохожие, иногда

попадавшие навстречу, оглядывались и провожали их долгими взглядами, вспоминая что-то свое самое заветное, где-то в глубине души завидуя им.

Уже остановившись у дома, в котором жила женщина, они вдруг вспомнили, что совсем забыли о портрете, оставленном на мольберте в мастерской. Но эта забывчивость ни в коей мере не огорчила ни Доминику, ни тем более Александра.

Они начали встречаться постоянно. Во время этих свиданий мужчина и женщина все больше и больше узнавали друг о друге. У них были в чем-то схожие судьбы, которые постоянно посылали им различные трудности, испытывая расставаниями и потерями близких. Доминика, которая на несколько лет была младше Александра, во время войны потеряла почти всех родных, и уехала к своей одинокой тетушке в Ньюарк. Та вскоре умерла, а ее племянница осталась совершенно одна. Она частным образом преподавала искусство игры на фортепьяно.

Александр рассказал ей о себе все – о городе, в котором вырос, о сестре, которая осталась в нем, о своем стремлении вернуться туда, где когда-то давно в детстве он был безмерно счастлив, а также о своей давней мечте стать известным художником и сделать грандиозную выставку своих работ...

Они встречались практически каждый день, пока не поняли, что попросту не могут жить друг без друга. И когда однажды Александр, в очередной раз провожая ее домой, нежно поцеловал в губы и прошептал «Я люблю тебя», она улыбнулась и закрыла глаза ладонями. «Выходи за меня замуж!» – донеслось до нее продолжение его фразы. Доминика крепко прижалась к нему и легонько прикоснулась губами к его губам, затем снова посмотрела на Александра. Ее сердце часто застучало от счастья. «Будь моим...», – тихо произнесла она, и стала нежно целовать его глаза.

Вскоре они поженились. В этот день Александр подарил ей картину, на которой был изображен огромный букет полевых цветов. Доминика, увидев их, растрогалась.

– Откуда, ну откуда ты знал, что больше всего я люблю полевые цветы?

– Я чувствовал это, – ответил Александр.

На следующий день он переехал к Доминике, в маленькую уютную комнату в многоэтажном доме. Утром, после их первой ночи он проснулся, почувствовав её взгляд. Улыбнулся и долго молча смотрел ей в глаза, как будто на всю жизнь хотел запомнить их.

– Какая же ты у меня красивая, Доми!.. До знакомства с тобой я еще никогда не чувствовал тепло и радость в душе только от того, что рядом кто-то есть – тот, кто может просто сидеть и смотреть на тебя. Я люблю тебя, Доми...

Они были вместе всего несколько лет, утопая в радости любви. Но в один из дней мир перевернулся и рухнул – Александра не стало. Его сердце, выдержавшее войну, концлагерь, скитания, лишение и тоску, остановилось...

Доминика вышла из крематория, держа в руках небольшую урну с прахом любимого. «Вот и все, – подумала она, – его больше нет... Все кончено! Господи, каким же коротким бывает счастье! Живешь, наслаждаешься, и вдруг в какой-то миг остаешься одинокой. Почему так несправедлива жизнь? И зачем теперь мне жить одной? Боже, а ты спросил меня, хочу ли я быть на этой земле одна, без него? Ведь я люблю его! Люблю, так, как никогда никого не любила!..»

Она вытерла слезы и пошла домой, в пустую квартиру, где больше не было его, но все, все напоминало о его присутствии. Несчастливая женщина бессильно плакала, заливая подушку слезами. За ночь она выплакала всё, чувствуя

внутри безмолвную пустоту. Как ей жить? Как теперь дышать без него?

После смерти Александра прошли годы. Доминика, снова и снова перечитывая завещание, оставленное Александром, не могла найти себе места. Она понимала, что в ее возрасте сложно, а может даже невозможно выполнить его последнюю просьбу. Ну как, как можно сделать так, чтобы каким-то чудом перенестись через океан и привезти его прах на родную землю? Тем более ей, которая никогда не была в той далекой стране, о которой так много рассказывал любимый муж... Она считала, что это ей уже не под силу. Да и куда она поедет? Кто ее там ждет? И тут же спрашивала сама себя: «А кому я нужна здесь? Детей ведь нет...»

Женщина считала, что все, нажитое за эти годы, стало совершенно не нужным после смерти Александра. Только его картины, которыми была заполнена квартира, грели ее душу, добавляя жизненной энергии...

Вскоре она получила письмо от Нины, сестры Александра. Оно было очень трогательным.

«Дорогая Доми! Я просто не нахожу себе места, я не знаю, как жить с мыслью о том, что моего любимого брата больше нет. Для меня этот мир просто перестал существовать. Ведь я только и жила мыслью о том, что когда-нибудь все же увижу моего Сашку, увижу рано или поздно. Это чувство помогало мне жить, преодолевать трудности. А что мне делать теперь?»

Дорогая! Ты сейчас единственная моя родная душа! Мы остались одни во всем этом огромном мире. Как жаль, что мы так далеко друг от друга! Если можешь, приезжай ко мне. Пиши, не забывай, умоляю тебя! Твоя Нина».

Это письмо подтолкнуло Доминику к решительным действиям. Теперь она знала, что будет делать. Целью ее жиз-

ни стало выполнение завещания мужа. Она знала, кто ждет ее в далекой, незнакомой стране, и кому она нужна на этом свете. Женщина наняла адвоката, получила консультацию, и, подготовив необходимые документы, отправилась в посольство. Его первый секретарь, на прием к которому попала Доминика, был очень удивлен необычностью просьбы этой женщины преклонного возраста.

– Вы знаете, – обратился он к ней, – Я, честно, говоря, обескуражен вашим желанием. Обычно люди из нашей страны стремятся уехать в США, а вы – совсем наоборот. Я внимательно изучил ваши документы, и хочу сказать, что преклоняюсь перед вами. Сделать такой решительный шаг порой не могут даже молодые люди. Вы же понимаете, что обратной дороги у вас не будет? По собственной инициативе вы покидаете эту страну навсегда. Вы не боитесь своего будущего?

– А какое будущее ждет меня здесь? Я ведь потеряла все, что у меня было – надежду, веру, любовь. И пока я не выполню последнее желание мужа, не обрету покой.

– Вы мужественная женщина. Так может поступать лишь человек, безмерно любящий. Я постараюсь сделать все от меня зависящее, чтоб не затягивать решение вашего вопроса....

Уснув под утро, они проспали в этот день почти до полудня. Нина поселила гостью в маленькой комнатушке, когда-то служившую им с Александром спальней.

Доминика открыла глаза, и несколько первых секунд не могла сообразить, где находится. Она переводила взгляд с потолка на стены, оклеенные обоями. И только увидев знакомый портрет, висевший на стене, вновь вернулась в реальность. Женщина накинула халат, сунула ноги в стоящие у кровати тапочки, и тихо прошла в зал. Услышав осто-

рожные шаги, Нина окликнула ее:

– Доми! Я тоже уже не сплю!

Через полчаса они сидели за столом, и пили чай, наливая кипяток из дымящегося старого самовара. Доминика восхищено смотрела на раритет.

– Неужели столько лет ты хранила тот самый самовар, из которого пил чай еще Александр? Он мне рассказывал о нем с такой любовью!

– Знаешь, Доминика, – утвердительно ответила Нина, – Даже в самые трудные времена, когда у меня не было денег на хлеб или лекарство, я даже в мыслях не представляла, что смогу расстаться с частью нашей семейной жизни. Этот самовар часто заменял мне собеседника. Он в прямом и переносном смысле грел душу, даже в самые холодные и горькие времена.

Доминика с уважением посмотрела на золотку.

– Знаешь, Нина, – она снова обратилась к ней, – Я же забыла сказать вчера, что тебя ждет еще одна встреча.

– Встреча? – удивилась Нина.

– Да-да! Встреча с картинами Александра! Я же многие годы собирала его работы в надежде на то, что когда-нибудь мы приедем сюда, и он исполнит свою давнюю заветную мечту, и жители этого города увидят его работы, особенно те, что пронизаны тоской по родному краю. Но судьба распорядилась иначе. Как-то он рассказал мне историю о молодой цыганке, которая напороочила ему возвращение в родной город вместе со мной. И он верил в это. Но только вот никак не мог представить себе, что оно будет именно таким. А ведь я приехала! Приехала вместе с ним, – сказала она и горько зарыдала. По щекам Нины тоже потекли слезы.

– Сашка, Сашка! – горько промолвила она. – Через столько лет я все же дождалась тебя. Ты слышишь? Это я,

твоя любимая сестра... – она взяла в руки урну с прахом брата, и снова, словно обращаясь к нему, продолжила, – Я даже похоронить не могу тебя по настоящему! Ну почему, почему все так несправедливо в этом мире?

Немного успокоившись, они решили пройтись по городу и навестить церковь. Взяв друг друга под руки, они не спеша зашагали по узким улочкам, уступая дорогу пешеходам. Практически весь оставшийся день они провели, гуляя в городском парке, часто отдыхая на стоящих тут и там лавочках.

Зайдя в собор, они поставили свечи на поминальный стол, почтив память отошедшего в мир иной. Огонь зажжённых свечей устремился вверх, словно унося к Богу их мысли об Александре. Позже, уставшие, но довольные общением друг с другом, они вернулись домой.

– А давай завтра пройдемся по тем местам, где Саша любил писать свои картины! Там, конечно, за эти годы многое изменилось, но, думаю, тебе будет интересно, – предложила Нина.

С того момента, когда Доминика переступила порог дома, где когда-то жил Александр, прошло две недели. Они очень сдружились с Ниной, и все время проводили вместе, словно наверстывая упущенные годы. Наконец настал тот день, когда из грузового отдела местного пароходства пришло уведомление о поступлении багажа. Вскоре объемный картонный короб был доставлен по адресу, где они проживали.

Их охватило неописуемое волнение. Осторожно открыв короб, Доминика одну за другой стала вытаскивать бережно упакованные картины, заполняла ими пространство вокруг. Сидящая в кресле Нина, понимая охватившее Доминику чувство, боялась помешать этой церемонии. Когда

все работы были извлечены, вдова художника стала разворачивать упаковку, комментируя при этом каждую из работ.

– Вот, Нина, посмотри, это я на портрете. Правда, здесь совсем молодая, он написан еще в 1964 году. А как тебе этот мальчик? – она взяла в руки портрет молодого афроамериканца, – Это Джон, сын соседей. Нам ведь Бог не дал своих детей, а Александр их очень любил, поэтому часто рисовал соседских мальчишек и девчонок. А это наш дом, в нем мы прожили последние десятилетия...

Дальше шли натюрморты с фруктами и цветами, а также множество небольших акварельных зарисовок.

– А вот это, посмотри, – Доминика на мгновение замолчала, а затем повернула к Нине лицевой стороной небольшую картину, – Узнаешь? Это ведь ты. Он рисовал тебя по памяти, такой, какой ты была в детстве. Этот портрет всегда висел в нашей спальне, и он часто разговаривал с ним. Я как-то спросила его, почему он не напишет твой портрет с присланных фотографий. А Александр с упреком посмотрел на меня и сказал: «Вот когда мы встретимся с Ниной, тогда и напишу ее портрет с натуры, а сейчас я помню ее такой».

Нина взяла портрет дрожащими от волнения руками и долго рассматривала его в свете абажура.

– Как давно это было! – сказала она. – И было ли вообще? А может, это случилось совсем в другой жизни?

В реальность ее вернул голос Доминики:

– А вот и сам Саша, – она показала Нине небольшой листок ватмана с написанным карандашом портретом. – Он не очень любил себя рисовать. И этот портрет был написан в подарок мне. Я не раз просила его об этом. Как-то мы повздорили с ним, что бывало крайне редко, а, проснувшись утром, я увидела этот рисунок на тумбочки возле кровати.

Под ним лежал листочек с написанными рукой Александра словами: «Не обижайся. Я выполнил твою просьбу», – и она передала рисунок Нине.

С портрета смотрел ее брат, повзрослевший, изменившийся, но с такими же, как и прежде, добрыми глазами и неизменной улыбкой. Нина молча поцеловала портрет и смахнула набежавшую слезу.

Они снова просидели до самого утра, пересматривая и перекладывая привезенные картины. Доминика подробно рассказывала о создании каждой из них. В ее словах чувствовалась любовь самой горячей поклонницы творчества Александра Быстрицкого.

Вечером в постели Нина долго не могла уснуть. Перед ее глазами проплывали картины из того времени, когда все были живы и счастливы. Она вновь и вновь словно прокручивала в голове кадры из до боли знакомого кинофильма под названием «Детство».

«У каждого человека есть свой собственный выдуманный мир, светлый, яркий и безумно интересный. Как же мы не ценим эти годы, – размышляла она, – Самые лучшие годы своей жизни, когда можно, всего лишь протянув руку, прикоснуться к маме, услышать ее голос, раствориться в нежности, когда можно беззаботно бегать по траве у дома! И при этом безумно желать как можно скорее стать взрослым! Глупо? Действительно глупо! В детстве, как и все дети, наверное, я стремилась повзрослеть. Просила маму разрешить накрасить губы, купить обувь на каблуках. Всё детство спешила вырасти, с нетерпением ожидая окончания этого периода жизни. А сейчас мечтаю о том, чтобы хоть на миг вернуться туда. К сожалению, мы слишком поздно понимаем, что означает слово «жить»...»

В один из таких вечеров, когда мысленные рассуждения снова не давали уснуть, Нина вдруг отчетливо поняла, что

ее постоянно мучает, и что именно она должна сделать. «Как же я раньше не смогла додуматься до этого? – спрашивала она саму себя, – Конечно же, надо предать прах Александра земле. Он должен найти покой здесь. Но как это осуществить?»

Разбудив удивленную Доминику рано утром, Нина рассказала о своем решении и попросила о поддержке. Та на удивление спокойно отнеслась к этой идее, здраво рассудив, что так действительно будет лучше. Нина решила, что вначале необходимо получить одобрение церкви, а уж потом пытаться решать бюрократические вопросы.

Встретившись с настоятелем небольшой церквушки, находящейся у городского кладбища, женщины рассказали ему о своем замысле. Отец Евгений, услышав необычную просьбу, отнесся к ней с большим пониманием и согласился провести похоронную церемонию. Гораздо труднее было получить разрешение властей на выделение земли на кладбище под могилу. Чиновники требовали одну справку за другой – гербовое свидетельство о смерти, паспорт лица, ответственного за получение праха, справку о кремации и так далее. Благо, что практически все необходимые документы были привезены Доминикой. В результате мытарства по чиновничьим кабинетам через два месяца разрешение было получено, а на кладбище выделено место под захоронение урны.

Процесс отпевания и похорон длился немногим более часа. В конце концов, работники кладбища засыпали могилу и установили небольшой крест с надписью «Здесь покойся прах Александра Быстрицкого».

После окончания церемонии Доминика и Нина остались вдвоем. Со стороны было трогательно наблюдать, как две преклонного возраста женщины успокаивают друг дружку, заботливо вытирая платком слезы.

– Ну вот, наконец-то ты обрел покой, – тихо произнесла Нина. – Мы будем приходить к тебе, Саша, слышишь?

Дни следовали чередой. Доминика стала понемногу привыкать к своей новой жизни. Практически каждую неделю они с Ниной ходили на могилу Александра. Однажды, пересматривая документы, она наткнулась на номер телефона, оставленный незнакомкой, которая так помогла ей в первый день. «Надежда», – прочитала она. В ее голове возникла идея, о которой она поспешила посоветоваться с Ниной.

– Нина! Ты не будешь против, если я приглашу к тебе в дом одну девушку?

– Девушку? – удивленно переспросила Нина. – У тебя есть знакомые в нашем городе?

Доминика тут же рассказала о своем коротком знакомстве.

– Ну конечно же! Почему ты раньше о ней не вспоминала?

– Просто у меня возникло огромное желание показать работы Александра еще кому-нибудь, – ответила Доминика.

Нина набрала номер телефона и после того, как на другом конце провода ответили, передала трубку Доминике.

– Добрый день, мне нужна Надежда, – сказала та.

– Я вас слушаю, – услышала в ответ.

– Это я, Доминика. Вы помните меня?

– Да-да, конечно же, я помню нашу встречу.

Доминика, словно боясь, что на другом конце провода положат трубку, скороговоркой выпалила

– У меня, кроме Нины и вас, никого нет в этом городе. Я прошу, найдите время и загляните к нам. Мне очень нужно вас видеть.

Надежда, почувствовав волнение собеседницы, поспешила ее успокоить и пообещала сегодня же, в конце дня

после работы зайти.

– Я работаю рядом с вашим домом, всего в пяти минутах ходьбы.

Остаток дня Доминика провела в ожидании Надежды, перекладывая картины. Нина же решила напечь блинов. Когда во дворе залаяла собака, Доминика сама пошла открывать калитку. Около ворот стояла Надежда, держа в руках небольшой букет цветов и коробку конфет.

Доминика почувствовала себя именинницей. Ей было приятно ощущать внимание этой очаровательной девушки.

– Проходите, Надюша. Не бойтесь, собака только лает, но совершенно не злая.

Проведя Надежду в дом, она представила ее Нине как свою старую знакомую:

– Это Надя! Я тебе о ней рассказывала.

Нина рассмеялась:

– Конечно! Ты не только рассказывала, ты целый день твердила, какая Надежда хорошая девушка. Спасибо вам, Надя! Старым людям приятно внимание. Это то немногое, чего человеку хочется на склоне лет.

Они сидели и пили чай, разговаривая обо всем, и, вместе с тем, ни о чем конкретном. Так зачастую беседуют люди, едущие в одном купе.

Затем Доминика вкратце рассказала о своей жизни, и причинах, по которым оказалась в их городе. И, конечно же, показала Надежде картины мужа.

– Александр всю жизнь мечтал, чтобы его работы увидели в родном городе, – закончила свой рассказ она.

На несколько минут воцарилась тишина. Впечатленная увиденным и услышанным, Надежда какое-то время не могла прийти в себя.

– Вы переплыли океан, преодолев тысячи миль, добрались

сюда и привезли эти картины в наш город, чтобы выполнить его последнее желание? – восхищенно спросила девушка.

– Не только, – ответила Доминика. – Я приехала сюда, потому что очень любила своего мужа. Нужно ценить то, что у тебя есть. Жаль, люди не всегда это понимают. Ведь счастье не чувствуешь, пока оно рядом. Ты начинаешь понимать, что это такое на самом деле только тогда, когда оно уходит, и о нем остаются одни воспоминания. Наша любовь дарована Богом. И это ему было угодно, чтобы, в конце концов, я очутилась здесь, в этом доме, где родился и вырос Александр. Это ему угодно, чтобы я встретила его сестрой и выполнила последнюю просьбу.

Надежда, минуту помолчав, вдруг улыбнулась и сказала:

– Я, кажется, знаю, что нам нужно делать дальше. Я работаю в библиотеке и немного знакома с девчонками из городской галереи, где проводятся выставки художников. Завтра же зайду и переговорю с ними. Возможно, нам удастся договориться о персональной выставке вашего мужа...

– Неужели это возможно? – воскликнула Доминика, – Но, наверное, это очень дорогостоящая затея? По крайней мере, в стране, где мы жили, такие выставки стоят недешево.

– Главное – начать, а там будет видно, – оптимистически подвела итог их встречи Надежда. – Я завтра забегу к вам в это же время.

На следующий день Надежда появилась раньше оговоренного срока. На ее лице сияла радостная улыбка. Еще с порога она весело воскликнула:

– Я же говорила, что все получится! Мой рассказ о нашем земляке, художнике Александре Быстрицком был воспринят с огромным интересом! На завтра вам назначена встреча. Меня попросили передать, чтобы вы захватили с собой несколько его работ. Окончательное решение будет принято позже.

Доминика никак не могла поверить в услышанное, и то

и дело переспрашивала Надежду о деталях разговора. Так или иначе, но на следующий день обе женщины переступили порог выставочного зала городской галереи. Доминика, оглядываясь по сторонам, внимательно изучала выставленные полотна. Она никак не могла поверить, что сейчас может произойти то, о чем многие годы мечтал ее муж.

Их встретила приветливая шатенка невысокого роста с приятной улыбкой на лице.

– Это Маргарита Сергеевна, – представила ее Надежда, – Директор галереи.

– Я слышана о вас и вашем муже, – в свою очередь сказала та, – Мне Надя все рассказала.

Доминика бережно распаковала завернутые в белую ткань картины, и, оглянувшись по сторонам, водрузила одну из них на стоящий рядом стул. На полотне было изображено здание, а рядом с ним – несколько машин и пешеходов. В правом углу рядом с подписью художника было написано: «Ньюарк, 1959 год».

– Очень красиво, – не смогла сдержать эмоций Маргарита Сергеевна.

– Правда? Вам понравилось? – чуть смущено переспросила Доминика.

Пересмотрев принесенные работы, директор подвела итог встречи:

– Мы с удовольствием организуем персональную выставку, но... – она на мгновение задумалась, чем вызвала тревогу на лице у Доминики и Надежды, – Но нам надо найти того, кто сможет сделать рамы на картины. Без них работы будут иметь неоконченный вид. Я понимаю, что у вас нет на это денег, поэтому попытаюсь переговорить с местными бизнесменами. Возможно, кто-то согласится выступить спонсором выставки. Ведь нам также нужно сделать афиши, заказать приглаательные. Да и анонс в

средствах массовой информации будет далеко не лишним, – и, вновь посмотрев на смутившуюся Доминику, продолжила – Но вы не волнуйтесь, это уже мои заботы. Главное, что выставка состоится. Правда, нужно назначить дату ее проведения... – с этими словами она достала маленький календарь и, поведив пальцем по числам, сказала, – Я думаю, месяца на подготовку нам будет вполне достаточно...

Доминика, не зная, как благодарить Маргариту Сергеевну и Надежду. Ее счастью не было границ. По дороге домой она зашла в храм, купила свечку, зажгла ее, и, подойдя к иконе святителя Николая Чудотворца, стала шепотом молиться:

– Услышь нас, грешных рабов Божьих, молящихся тебе...

...В этот день Доминика проснулась значительно раньше обычного. Она понимала, что сегодня случится событие, ради которого пересекла океан, очутившись в этой незнакомой стране. Это был день возвращения ее мужа на Родину. Да, именно таким она считала открытие выставки его работ в родном городе.

Событие должно было начаться в 14 часов. До галереи неспешным шагом, даже с учетом, того, что Нина шла, опираясь на палку, ходу было минут тридцать. Но уже в полдень обе женщины, празднично одетые, вышли из дома.

На огромном фасадном окне галереи красовалась афиша с репродукцией одной из работ Александра, а ниже большими буквами было написано: «Возвращение художника», еще ниже и шрифтом поменьше – «Персональная выставка работ Александра Быстрицкого (19__ – 19__)».

В зале шли последние приготовления. В углу настраивала инструмент молоденькая скрипачка. Работник галереи подключал микрофон и колонки.

Доминика переходила от картины к картине, не узнавая работ Александра, которые смотрелись необычно торжественно.

Без четверти два зал галереи стал наполняться посетителями. Шустрые телевизионщики расставляли и наставляли камеры. В зал заходили все новые и новые люди с улыбками на лицах. Доминика с Ниной стояли немного в стороне, незаметно наблюдая за реакцией, вызванной просмотром картин. На женщин внимания никто не обращал, оно было направлено на картины Александра.

Зазвучал пронзительный голос скрипки, перебивающий шум голосов возбужденной публики. К Доминике и Нине подошла Маргарита Сергеевна.

– Извините, – сказала она, обращаясь к ним, – Я всегда волнуюсь перед выставкой – вдруг какие-то накладки. Или вдруг посетителей не будет...

Она бережно взяла Доминику за руку, и, показывая в сторону микрофона, сказала:

– Идемте, сейчас будем начинать. Вы выступаете после меня.

Доминика испугалась, как ребенок. Ей и в голову не могло придти, что придется говорить. Да и что? О чем она может рассказать?

Маргарита Сергеевна, почувствовав ее нерешительность, сказала:

– Ну что вы! Я уверена – вам есть что сказать, – с этими словами она подошла к микрофону, постучала по нему пальцем, проверяя, включен ли звук, и произнесла:

– Уважаемые друзья! Сегодня у нас необычная выставка! Такой наша галерея еще не видела! Мы возвращаем городу творения нашего земляка – Александра Быстрицкого. Среди представленных работ картины, написанные художником в сороковых-шестидесятих годах. К сожалению, автор не дождался до сегодняшнего дня. Но он всю жизнь мечтал о том, чтобы жители родного города увидели его работы, его пейзажи и натюрморты, написанные в далеком зарубежье, но проник-

нутые безмерной любовью к своей Родине. Я хочу предоставить слово вдове художника – Доминике Быстрицкой.

Воцарилась пауза. Доминика стояла у микрофона, а по ее щекам бежали слезы. Вдруг раздались редкие хлопки, которые через мгновение переросли в аплодисменты. Они словно подбодрили женщину. Она начала говорить, сначала тихо, а затем все более уверенней:

– Спасибо вам, люди! Я благодарна каждому из вас за то, что вы сделали для меня и для Александра. Я благодарна его сестре Нине, которая приютила меня у себя, поселив в комнате, где он жил когда-то. Я благодарна Надежде, этой чудесной девушке, которая привела меня сюда. Я благодарна всем за чуткость сердец и за возможность быть с вами сегодня. Храни вас Господь!

Оглушительные аплодисменты не стихали несколько минут. Затем к ней подходили незнакомые люди, дарили цветы и говорили много приятных, добрых слов. А она, маленькая и хрупкая, стояла, не уставая повторять:

– Я сделала это! Я смогла! Ты возвратился в свой город...

Александр Иванович БЫСТРЯКОВ

Автопортрет

Родился 1907 году в Днепропетровске.

Учился в Москве.

В 1936 г. в Днепропетровске, в помещении Дома инженерно-технических работников состоялась выставка художников Днепропетровщины. Работы А.Быстрякова экспонировались с картинами таких художников, как А.Максименко, Н.Погрибняк, В.Решетников, М.Теплов, Я.Хаст.

В 1941 г. в Киеве участвовал в выставке произведений художников Днепропетровска, Полтавы, Прилук, Сталино (Донецка), Чернигова.

В годы Второй мировой войны оказался за границей. После ее окончания работал в Словакии и Западной Германии.

В 1956 году эмигрировал в Соединенные Штаты. Осел в Нью-Йорке, недалеко от Нью-Йорка. Работал в портретной мастерской.

Умер в 1966 году.

Благодаря стараниям жены, в 1968 году прах художника возвращен на Украину и захоронен на городском кладбище Измаила.

В 1994 году в Измаильской картинной галерее состоялась первая и, пока, единственная персональная выставка замечательно-го художника Александра Ивановича Быстрякова.

